

Petir Husankay

**Эпир пулнă,
пур,
пулатпър!**

Petir Husankay

**Epir pulnı,
pur,
pulatpır!**

Petir Husankay

**Biz vardık,
varız,
(var) olacağız!**

Petir Husankay

We have existed, we exist and we will exist!

■ Н.И. ЕГОРОВ

СИНОПСИС КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ ПРОТОТЮРКСКОЙ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э.)

Язык значит намного больше, чем просто средство общения.
Язык знает о жизни все. В этом «все» – знание быта,
духа, прошлого, настоящего и прогноз будущего...
Изучение языка приоткрывает тайны,
уже недоступные историкам и археологам,
обнажает корни духовности народа.

Кеннет Хейл

Аннотация: Представленная на суд заинтересованного читателя работа в целом представляет ещё один возможный подход к старой, но всегда актуальной проблеме хронотопологической локализации прототюркской этнолингвокультурной общности накануне её распада. В статье определены научно-теоретические, методологические и практические предпосылки комплексного компаративно-контрастивно-контактологического изучения прототюркской этнолингвокультурной общности на основе интеграции самых разнообразных социально-гуманитарных дисциплин и синтеза доступных репрезентативных источников: палеолингвистических, археологических, нарративных, палеогенетических и т. д., освещены вопросы хронотопологизации, культуры первичного производства и жизнеобеспечения прототюрков, конспективно изложены нарративная и археологическая версии этнолингвокультурной истории циркумгобийского региона Внутренней (Срединной) Азии в I тыс. до н. э.

Автор приходит к выводу, что археологическим наследием прототюркской этнолингвокультурной общности накануне её распада на две филы -- пратюркскую (праогузскую) и праогузскую (прабулгарскую) является культура плиточных могил. Основной причиной распада прототюркской общности стали сложные конвергентно-дивергентные процессы, вызванные вторжением в циркумгобийский регион Внутренней Азии (в ареал культуры плиточных могил) индоиранских (лингвистически восточноиранских) номадов из степей Южной Сибири, Казахстана и Восточного Туркестана в I тыс. до н. э., и ассимиляция пришельцев частью автохтонного прототюркского населения (ди китайских источников). Основной причиной миграции восточноиранских (скифо-сакских) племён на восток стала экологическая катастрофа, вызванная очередным климатическим пессимумом рубежа 2 - I тыс. до н. э.

Ключевые слова: сравнительно-историческая лингвистика, прототюркская лингвокультурная общность.

Synopsis of the Conceptual Paradigm of the History of the Prototurkic Ethnolingvocultural Community (I Millenium B.C.)

Abstract: The present work as a whole represents another possible approach to an old, but always topical problem of the chronotopological localization of the Proto-Turkic ethno-lingvocultural community on the eve of its disintegration. The article defines scientific, methodological and practical prerequisites for a complex comparative-contrastive and contactological study of the proto-Turkic ethno-linguistic community on the basis of integration of the most diverse social and humanitarian disciplines and synthesis of available representative sources: paleolinguistic, archaeological, narrative, paleogenetic etc.; the issues of chronotopologization, the culture of primary production and life support of the proto-Turks are covered; narrative, archaeological version of ethnolingvocultural history of the Circum-Gobi region of Inner (Median)-Asia in the Ist millennium BC are synoptically expounded.

The author comes to the conclusion that archaeological heritage of the Proto-Turkic ethno-lingual and cultural community on the eve of its breakup into two fillets - the Pre Turkic (Pre Oguz) and the Pre Oguric (Pre Bulgar) – is a culture of tile graves. The main causes of Proto-Turkic (Pre Oguz) and Pre oguric (Pre Bulgar)-is the culture of tile graves. The main causes of Proto-Turkic community disintegration were complex convergent divergent processes caused by invasion of the Circum-Gobi region of Inner Asia (in the area of tile graves cult) of Indo-Iranian (linguistically East Iranian) nomads from the steppes of Southern Siberia, Kazakhstan and Eastern Turkestan in the Ist millennium BC, and assimilation of foreigners by a part of the autochthonous proto-Turkic population.

The main reason for migration of East-Iranian (Scythian-Saki) tribes to the east was an ecological catastrophe, caused by another climatic pessimum at the turn of the 2-1 millennium BC.

Keywords: comparative-historical linguistics, proto-Turkic linguocultural community.

Proto-Türk Etnodilselkültürel Topluluğun Tarihinin Kavramsal Örnekleminin Bir Özeti (M.Ö. 1. YY.)

Özet. Bir bütün olarak bu çalışma eski ama her daim güncel olan dağılmanın eşiğindeki Proto-Türk etno-dilselkültürel topluluğun kronotopolojik lokalizasyonu sorununa başka bir olası yaklaşım sunmaktadır. Bu makale çok çeşitli sosyal ve beşeri disiplinlerin ve mevcut örnek kaynakların sentezinin entegrasyonu esasına dayanarak Proto-Türk etno-dilbilimsel topluluğunun karmaşık bir karşılaştırmalı-kıyaslamalı ve kontaktolojik bir incelemesi için gerekli olan bilimsel, metodolojik ve uygulanabilir önkoşulları tanımlamaktadır: paleo-dilbilim, arkeolojik anlatı, paleogenetik, vb.; kronotopolojizasyon, Proto-Türklerin birincil üretim ve yaşam desteği kültürü konularına değinilmiştir; M.Ö. 1. yüzyıldaki İç (Orta) Asya'nın İç Gobi bölgesine ait etno-dilselkültürel tarihin arkeolojik versiyonu, anlatısı özet halinde açıklanmıştır.

Yazar, Proto-Türk etno-dilbilimsel ve kültürel topluluğun dağılmasının hemen öncesinde iki kola – İlk Türkçe (İlk Oğuz) ve İlk Ogur (İlk Bulgar) – ayrılmasının arkeolojik mirasının bir çini mezar kültürü olduğu sonucuna varmıştır. Proto-Türk topluluğunun ayrışmasının ana sebepleri M.Ö. 1. yüzyılda Güney Sibiry'a'nın, Kazakistan'ın ve Doğu Türkistan'ın bozkırlarından gelen Hint-İran (dilbilimsel olarak Doğu İran) göçebelerinin İç Asya'nın İç Gobi bölgesini (çini mezarları kültürünün olduğu bölgede) işgal etmesinden ve yabancıların yerli Proto-Türk halkının bir kısmı tarafından asimile edilmesinden kaynaklanan karmaşık yakınsak ve ıraksak süreçlerdir.

Doğu-İran (İskit-Saka) kabilelerinin doğuya göç etmesinin temel sebebi M.Ö. 1-2. yüzyılın sonunda gerçekleşen başka bir iklimsel kötüleşmenin sebep olduğu ekolojik bir felaketti.

Anahtar Kelimeler: Karşılaştırmalı-tarihsel dilbilim, Proto-Türk dilsel-kültürel topluluk

Введение

Переход языкознания в последние десятилетия XX столетия на антропологическую, или антропоцентрическую, как ее часто называют, парадигму стимулировал быстрое развитие междисциплинарных областей социально-гуманитарных исследований. Сравнительно-историческое языкознание, как у него на роду написано, в наше время все больше становится исторической дисциплиной. Достижения социально-гуманитарной области знаний XX века расширили и углубили исследовательские горизонты лингвистической компаративистики XXI столетия, высветили многие проблемы, накопившиеся в течении двух последних веков и наметили пути их решения в новом миллениуме.

Учитывая глубинный характер происходивших в сравнительно-историческом языкознании в конце XX – начале XXI вв. перемен, можно, видимо, говорить о смене научной парадигмы в рамках традиционной лингвистической компаративистики, перешедшей от поисков материального и структурного родства языков к реконструкции ранних, дописьменных эпох истории их носителей. Специфика современной лингвистической компаративистики проявляется также в ее сближении с когнитивной лингвистикой, что особенно ярко проявляется в обращении к изучению нетрадиционных для сравнительного языкознания когнитивной сферы. Динамика развития концептуальной парадигмы компаративных исследований в тюркологии наглядно отразилась в содержании многотомной серии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (1984–2006).

Этническая идентификация древних популяций, известных нам по скудным нарративным источникам, неразрывно связана с проблемой культурной самобытности. Именно это обстоятельство объясняет все возрастающее внимание со стороны лингвистов-компаративистов к этнокультурному аспекту современных сравнительных историко-генетических и контактологических исследований. Историко-генетическому и компаративно-контрастивно-контактологическому анализу подвергаются такие этнокультурные концепты, как «пространство», «время», «сущность», «мир», «человек» и этноязыковая картина мира в целом. Это чрезвычайно важно для воссоздания этнокультурного портрета исторических когнатов носителей языка на разных диахронических стратах вплоть до праязыкового уровня.

В настоящее время в социально-гуманитарной сфере наук нарастает процесс размывания традиционных границ отдельных дисциплин, раздвижение рамок категорий ряда общественных наук и широкая экспансия в пределы смежных областей знаний. Уже в последней трети прошлого века сфера интересов лингвистической компаративистики начала неуклонно расширяться за счет экспансии в смежные (социально-гуманитарные) и несмежные (естественные) области. На рубеже миллениумов разрастаются пределы отдельных социально-гуманитарных дисциплин; в языкознании формируются новые интердисциплинарные отрасли – социолингвистика, психолингвистика, антрополингвистика, этнолингвистика, этнолингвокультурология, палеолингвистика и т.д.; развиваются связи языкознания с историей, социально-культурной антропологией, философией, логикой, психологией и даже с математикой.

Единственным фактуальным и репрезентативным эмпирическим источником по дописьменным эпохам истории человечества является лингвистический материал, переработанный испытанным временем методом сравнительного историко-генетического анализа. Именно реконструкция лексического фонда на разных диахронических уровнях развития языка – через промежуточные праязыки до исходного архетипического состояния – является единственным способом зондажа праязыкового состояния и межъязыковых отношений, а сквозь их призму – и средством реконструкции соответствующих культурно-исторических феноменов.

Традиционная лингвистическая компаративистика решает вопросы материального и структурного сходства и различия заведомо родственных языков, каковыми являются все языки обширной тюркской семьи, включая якутский и чувашский. Кардинальной проблемой сравнительного историко-генетического изучения тюркских языков является выявление материального и структурного сходства и различия между чувашскими и другими тюркскими языками (языковыми группами), установление их природы; генетическая или контактная, если контактная – то выяснение характера этих контактов: межтюркские (ареальные, общетюркские) или внешние, выявление источника, времени и места заимствования, путей распространения как внутри тюркской общности, так и за ее пределами и т.д. Вот круг основных вопросов, которые надо решать на уровне лингвистической компаративистики. И только после всесторонней и корректной лингвистической верификации полученные данные можно будет положить в основу этногенетических и палеоисторических реконструкций.

Современная лингвистическая компаративистика обладает достаточно надежным инструментарием и методологической базой для проведения сравнительного историко-генетического, хронотопологического, этимологического и генеалогического анализа языкового материала. Однако, к большому сожалению, в тюркологии мало специалистов, владеющих инструментарием компаративистики. Только тщательно проработанный в полном соответствии со строгими методами сравнительного историко-генетического анализа языковой (прежде всего лексический) материал является наиболее надежным и информативным эмпирическим источником для проникновения в глубинные страты дописьменной истории.

Археологический источник всегда уже по охвату репрезентативного материала, неопределеннее по информативности и менее ограничен в интерпретации, а главное – нем в отношении этноязыковой принадлежности носителей древних археологических культур.

В сравнительно-историческом языкознании сложилась традиция начинать *ab ovo*, когда заходит речь о происхождении языков и народов. Это вполне естественно: чтобы познать, как сложился тот или иной «язык», то есть народ и язык как единое нерасчленимое целое, нужно уяснить себе его истоки. Начать историю происхождения чувашского этноса, его культуры и языка *ab ovo* – значит исследовать историю происхождения, развития и распада прототюркской этнолингвокультурной общности и возникновения качественно новой праогурусской общности, которая и составила этнолингвокультурную первооснову будущего чувашского народа, его культуры и языка.

Основной конечной целью и закономерным финалом комплексного сравнительного историко-генетического изучения лексического фонда языка является историко-культурологическая интерпретация полученных реконструкций с желательным выходом на экстралингвистическую эмпирию – археологические, этнологические, палеоантропологические и прочие релевантные источники и их сопряженное с письменными данными, изучение с целью воссоздать панорамную картину этнической истории народа, говорящего на этом языке, с древнейших времен.

Воссоздание исторической панорамы более чем тысячелетнего этапа ранней дописьменной предыстории прототюрков до выхода на арену истории *сюнну* представляет задачу комплекса нескольких социально-гуманитарных дисциплин – лингвистической компаративистики, археологии, антропологии, этнологии, популяционной генетики и т.д., сотрудничество которых требует синтеза всей доступной совокупности репрезентативного эмпирического материала и предполагает строгий контроль в рамках исторических событий, зафиксированных древнекитайскими династийными хрониками и другими письменными источниками.

Нельзя рассуждать об образовании чувашей как определенной этнолингвокультурной общности, не рассмотрев проблемы прототюркского этнолингвокультурного сообщества *ди* (древних китайских династийных хроник), из которого в результате длительной и сложной дивергенции и конвергенции с индоиранскими группами (*жунами* древних китайских нарративных источников) выделилась праогурская этнолингвокультурная общность (*ху* китайских источников), не изучив досконально, как, где и когда появились на арене истории далекие предки современных чувашей – *дунху*, *ухуани*, *мужуны*, *сюнну*, *тоба*, *сяньби*, *жужани* и иже с ними, не разобравшись, когда многочисленные и малоизвестные огурские племена Центральной Азии появились в степях Восточной Европы и сложились в большую древнебулгарскую народность, не выяснив, когда и как появилась в Волго-Камье поволжская группа булгар и т.д.

Проблема пространственно-временной локализации прототюркской прародины, – начального центра иррадиации ранних диалектов прототюркского языка-основы, – и ранних этапов расселения их носителей – близкородственных племен прототюркской этнолингвокультурной общности – давно интересует представителей разных отраслей социально-гуманитарных наук – от лингвистов-компаративистов, которые прежде всего занимаются установлением характера родственных отношений и степени близости к другу языков тюркской семьи, до историков, этнологов, археологов, палеоантропологов, в последние годы также палеогенетиков и геногеографов, включившихся в обсуждение проблем восстановления общей картины истории прототюркского этнолингвокультурного континуума накануне начала его распада.

Дж. Клоусон не без основания утверждал, что и авары, и сюнну (Hsiung-nu, Huns), и ухуани (Wu-huan, Oguz?), и сяньби (Hsien-pei), и мужуаны (Mu-jung), и тоба (T'o-pa, Tavgach), и жужани (Jou-jan) – все тюрки (Clauson 1960: 122). Сейчас мы можем с такой же уверенностью заявить, что эти и еще многие другие древнетюркские племена, еще на заре своей истории объединившиеся в крупную конгломератную конфедерацию *Телэ*, говорили на специфическом тюркском Lig-языке булгаро-чувашского типа.

К сожалению, современная тюркология редко заглядывает за древнетюркский период (VI–X вв.) истории и редко вспоминает, что еще на заре истории в Центральной Азии господствовали огурские тюркские племена, вышедшие на широкую историческую арену в связи с распадом прототюркской общности на две филы – пратюркскую (праогузскую) и праогурскую (прабулгарскую). Именно взаимоотношения этих двух этнолингвокультурных общностей на фоне общей истории Центральной Азии и должны составить предмет изучения праистории тюркоязычных народов в период с начала I тысячелетия до н.э. по середину I тысячелетия н.э., а также в древнетюркское время.

1. Необходимое терминологическое предупреждение

В современной тюркологии, представляющей собой комплекс социально-гуманитарных дисциплин, изучающих разные аспекты сферы жизнедеятельности тюркоязычных народов в прошлом и настоящем, термины *прототюрки* / *прототюркский* и *пратюрки* / *пратюркский* чаще всего употребляются как синонимы. Между тем, современная тюркская историография с

подачи лингвистов-компаративистов (Тенишев, 2006, 5–8) вплотную подошла к осознанию необходимости смыслового и содержательного разграничения этих терминов как в хронотопологическом так и в предметно-понятийном отношениях.

Под термином *прототюркское состояние* предлагается понимать тюркскую этнолингвокультурную общность до ее первичного распада на две ветви – *праогузскую* и *праогурскую*, а под *пратюркской общностью*, следовательно, – праогузскую ветвь до начала ее распада на классификационные группы – огузскую, каргукско-кыпчакскую, сибирскую и проч.

В предлагаемой вниманию аудитории специалистов работе основное внимание будет уделено истории прототюркской этнолингвокультурной общности накануне ее распада и выделения от пратюркского ствола самостоятельной огурской (булгаро-чувашской) ветви (об огурском этнолингвокультурном континууме подробнее см.: Егоров 2017: 69–168; а также: Yegorov 2014: 124–171).

Интегрированное комплексное изучение накопленной к настоящему времени совокупности лингвистических, археологических, исторических и прочих данных позволяет констатировать, что прототюркская прародина располагалась в обширном Циркумгобийском регионе, который, по сложившейся в отечественной географической литературе традиции, удобнее обозначать как Внутренняя Азия (о современном понимании терминов «Центральная Азия», «Внутренняя Азия», «Средняя Азия», подробнее см.: Дробышев, 2014, 19–54; там же соответствующая литература вопроса). С археологической точки зрения территория расселения прототюркских популяций совпадает с ареалом распространения памятников так называемой «культуры плиточных могил» (об этой культуре подробнее см.: Цыбиктаров 1998; там же литература вопроса).

2. Проблема хронотопологии

Строго научный подход к обозначенному термином «прототюркская этнолингвокультурная общность» этнополитическому и социально-гуманитарному феномену требует его локализации в пространственно-временном континууме. Интегрированное изучение данных археологических, палеоантропологических, геногеографических, нарративных, этнокультурологических, лингвистических, палеоботанических, палео-географических и прочих релевантных источников позволяет локализовать прототюркскую этнолингвокультурную общность накануне ее распада в первой половине I тысячелетия до н.э. в пределах обширной восточной провинции евразийской степи, которую для краткости и удобства пользования можно обозначить термином Внутренняя Азия, или Циркумгобийский регион. Западная граница прототюркской ойкумены проходит примерно по 105 меридиану от Байкала до Ганьсу, восточная – вдоль Большого Хингана от Забайкалья до Ляодуна, охватывая юго-западную часть Маньчжурии, южная – от Ордоса вдоль Великой Китайской стены до бассейна Ляохэ, северная – от Байкала до Амура. Складывается представление, что этническое ядро прототюрков изначально формировалось в юго-восточной провинции Внутренней Азии, охватывающей западную часть современной провинции Ляонин, северные части провинций Хэбэй и Шаньси, и уже оттуда прототюркские популяции эпохи палеометалла расселись на север (ареал культуры плиточных могил) и на запад, в район Ордоса и Внутренней Монголии, где древние китайские источники эпохи Чжоу (XI в. до н.э. – 221 г. до н.э.) фиксирует племена группы *ди*. Ряд авторитетных исследователей (Ф. Хирт, В. Эберхард, Ма Чаншоу, А.Г. Малявкин и др.) высказывались в пользу мнения о тюркской принадлежности *ди* (Eberhard 1942: 125 и сл.). Поэтому отсчет истории прототюркской этнолингвокультурной общности накануне ее распада можно начать с наиболее ранних сообщений китайских династийных хроник и племенах *ди*.

3. Культура первичного производства и жизнеобеспечения

прототюрков

Ранние прототюрки несомненно вели экстенсивное, присваивающее хозяйство на основе охоты, рыболовства и собирательства. К рубежу II–I тысячелетий до н.э. они, очевидно, уже имели навыки примитивного мотыжного земледелия (выращивали преимущественно просо и полбу) и придомного скотоводства (свиньи, собаки). Начиная со второй четверти I тысячелетия до н.э. племена *ди* перенимают у западных соседей жунов пасторальную культуру и начинают разводить крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадей. Уже к середине I тысячелетия до н.э. прототюркские племена (за исключением горно-таежных популяций, т.е. *линьху* – «лесных ху» китайских источников) освоили новый хозяйственно-культурный тип производящей экономики на основе сначала отгонно-пастбищного, а затем и кочевого скотоводства со строго фиксированными сезонными (летними и зимними) пастбищами. Накануне распада прототюркской этнолингвокультурной общности большая часть населения Циркумгобийского региона уже представляла собой классических номадов.

В I тысячелетии до н.э. в среде прототюркских племен как северной, так и южной провинции Внутренней Азии «складывались и преемственно закреплялись этнолингвокультурные традиции, которые имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем тюркоязычным племенам» (Кляшторный, Савинов 2005: 11).

Наиболее интенсивно формирование общетюркских этнолингвокультурных стереотипов происходило в прототюркское время, еще до начала первоначального распада общности в середине I тысячелетия до н.э., «когда определялись оптимальные формы хозяйственной деятельности (кочевое и полукочевое скотоводство), в основном сложился комплекс материальной культуры (тип жилища, одежды, средства передвижения и т.п.), приобрела известную завершенность духовная культура, социально-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Наиболее высоким достижением этой эпохи стало создание тюркской рунической письменности, распространившейся со своей центральноазиатской родины (Монголия, Алтай, Верхний Енисей) до Подонья и Северного Кавказа» (Кляшторный, Савинов 2005: 11–12). Правда, все это С.Г. Кляшторный относит к древнетюркскому времени, то есть ко второй половине I тысячелетия н.э. Это, по всей вероятности, объясняется тем, что интересы этого великого тюрколога-историка, по вполне понятным причинам, редко проникали в более глубокие периоды тюркской истории.

Между тем, сравнительное историко-генетическое изучение лексики чувашского и стандартных тюркских языков однозначно показывает, что основы культуры первичного производства и жизнеобеспечения, соционормативной и гуманитарной культуры сложились задолго до распада прототюркской общности и выделения из нее огурской филы, то есть еще в первой половине I тысячелетия до н.э., а скорее даже несколько раньше. Сведения древнекитайских письменных источников вкупе с данными археологических открытий последних трех десятилетий (Шульга 2015) подтверждают достоверность предлагаемой датировки.

4. Нарративная версия этнической истории Внутренней Азии

в прототюркскую эпоху

Древнекитайские династийные хроники и другие нарративные источники эпохи Шан (Инь) (ок. 1600 – ок. 1050 гг. до н.э.) и Чжоу (традиционно-условная датировка: 1122– 256 гг. до н.э.; новая датировка: 1066–221 гг. до н.э.) за пределами древнекитайских царств зафиксировали две

крупные «этнолингвокультурные» общности: *жунов* – на западе и *ди* – на севере (от восточных *и* и южных *маней* в данном случае абстрагируемся в виду их непричастности к прототюркской истории). Социально-гуманитарная сфера научных дисциплин в наши дни пришла к негласному согласию по вопросу обитавших в восточной провинции степной Евразии древних этнолингвокультурных общностей. Во Внутренней Азии, включая Северный Китай (кит. *бэйфан* – букв. «северный край»), в I тысячелетии до н.э. были представлены две большие этнолингвокультурные общности: индоевропейская (в лице ранних кочевников скифского времени) на западной окраине и прототюркская – практически по всей территории Циркумгобийского региона.

Со времен классических работ Б.Я. Владимирцова хорошо известно, что монголы выходят в степи Забайкалья и Восточной Монголии не ранее XI в. н.э., до этого времени они обитали далеко за Большим Хинганом, в бассейне Сунгари, и не были знакомы с пасторальной культурой первичного производства и жизнеобеспечения. От других возможных мелких этнических вкраплений, если таковые и были, можно смело абстрагироваться, так как на общий ход этнической истории Внутренней Азии они никакого заметного влияния не оказывали.

Несмотря на то, что такие этнически индифферентные собирательные «этнонимические» термины ранних китайских нарративов, как *цяны*, *жуны*, *ди*, *ху*, *дунху* и т.п., носят минимальную этническую нагрузку, в свете всей совокупности источников нетрудно понять, что за *цянами* (*жунами*) стоят ранние кочевники скифской эпохи, говорившие, очевидно, на наречиях индоиранской группы, а за *ди* – племена прототюркской общности. Внимательное знакомство с китайскими нарративными источниками показывает, что со второй четверти I тысячелетия до н.э. начинается длительный симбиоз автохтонных пеших охотников *ди* с пришлыми номадами, который отразился на страницах китайских династийных хроник периода Чуньцзо («Весны и Осени») (VIII–V вв. до н.э.) появлением гибридного термина *жунди*. Это, по всей вероятности, знаменует начало ассимиляции прототюрками индоиранских племен и выхода на историческую арену новой этнолингвокультурной формации, получившей со стороны китайцев-хуася новое наименование *ху* – букв. «инородцы», «варвары».

В эпоху бронзы и раннего железного века, когда этнолингвокультурные общности представляли собой некоторый континуум близкородственных племенных популяций, очень часто происходил так называемый «*прерванный языковой сдвиг*», когда одна этнолингвокультурная группа меняет свой язык на принадлежащий другой контактной группе, при этом определенная часть лексики ассимилированной субстратной этнолингвокультурной группы сохраняется. По такому сценарию развивались взаимоотношения между пришлыми индоиранскими популяциями жунов, дисперсно расселившихся среди автохтонных прототюркских племен Северного Китая в первой половине I тысячелетия до н.э. Именно в это время в южном секторе Циркумгобийского региона от Ганьсу до Ляодуна формируется так называемая «культура ордосских бронз». Сейчас уже стало ясно, что под этим условным термином объединяется целая серия археологических памятников и ряд культур бронзового века с четко выраженными признаками, характерными для «скифо-сибирского мира» северной Евразии эпохи бронзы (Шульга 2015). Очевидно, назрело время для объединения памятников «ордосской культуры» в единую **ордосскую культурно-историческую общность бронзового века** и в известной мере аффилировать их с формирующейся праогурской этнолингвокультурной общностью первой половины I тысячелетия до н.э., получившей в китайской историографической традиции собирательное наименование *дунху* – «восточные инородцы».

Тюркская этнолингвокультурная общность сложилась в горно-степных просторах Внутренней Азии, в Циркумгобийской области. Прототюркские популяции общались между собой на

взаимопонятных близкородственных племенных наречиях единого прототюркского языка-основы, но уже накануне распада в процессе длительного симбиоза и конвергентного развития первоначально различных прототюркской и индоиранской этнолингвокультурных общностей в Циркумгобийском регионе сложилась ситуация языкового союза.

История взаимодействия, симбиоза и, отчасти, слияния двух основных групп древнего населения южной провинции Внутренней Азии – автохтонного прототюркского *ди* и дисперсно расселившегося среди них пришлого с северо-запада индоиранского (восточноиранского, скифо-сакского) контингента жунов на протяжении ряда столетий и есть процесс этнолингвокультурогенеза, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и сформировалась общность огурских племен.

Э. Пуллиблэнк установил, что собирательный термин *ху* на страницах китайских династийных хроник появляется в V в. до н.э. в период Чжаньго («Воюющих царств») (475–221 гг. до н.э.) (Pulleyblank 1991: 510; Pulleyblank 2000: 17–27). Сколько-нибудь заметных изменений на археологической карте Внутренней Азии в это время не произошло, распространение железных артефактов существенных сдвигов в погребальном обряде и инвентаре северных кочевников не вызвало. Есть основания полагать, что появление этнолингвокультурной общности *ху* связано с распадом прототюркской общности и выходом на историческую арену праогурской этнолингвокультурной общности. Вся дальнейшая этническая история степной Евразии в ближайшее тысячелетие показывает правомерность такого предположения (Egorov 2014: 124–171). Так, в составе группы восточных *ху* (кит. *дунху*) китайские династийные хроники выделяют племенные союзы *ухуань*, *сяньби*, *мужун* и др., которые соответственно отождествляются с *огурами*, *сяньби* и *мадьярами* (в основе этого этнонима некоторые исследователи усматривают этноним **top oğur* – букв. «великие огуры», принадлежавший довенгерскому болгарскому племени в Паннонии) (Pritsak 1976: 17–30). Из этой же конфедерации племен группы *ху* выделились *цифу*, *туфа*, *шивэй*, *кумоси*, *кидань*, *туюйхуань*, *тоба*, *жужань* (Таскин 1984: 4), а также *сюнну* (Миняев 1991: 117–119; Chen Sanping 2012: 83–98). «Этнонимический термин» *сюнну* (букв. «злые рабы») по существу является уничижительным прозвищем, которым китайцы «наградили» незначительную группу *ху*, попавшую в зависимость от *юэчжей*. И только «усиление *сюнну* при Маодуне выделило их среди остальных *ху*...» (Миняев 1991: 119). Тем не менее, в период Ранней Хань термин *ху* в китайских хрониках выступал в качестве синонима *сюнну*.

Из среды *ху* (*цзиху*) вышло также племя *булоцзи* (кит. *Vuluoji*), название которого появляется в китайских нарративных источниках в период Восточная (Поздняя) Хань (25–220 гг. н.э.). Некоторые исследователи усматривают в этом топониме китайскую иероглифическую транскрипцию известного этнонима *булгар* (подробнее см.: Woodberg 1936: 291–307; Санпин Чен 2004: 43–47; Chen Sanping 1998: 1–13; Chen Sanping 2012: 83–98).

Итак, из китайских нарративных источников мы узнаем, что в I тысячелетии до н.э. на севере от древнекитайских царств эпохи Чжоу обитали племена *ди*, которые взаимодействовали с западными *жунами*, к середине тысячелетия на севере Китая образовалось симбиотическое сообщество пастушеских племен *жунди*. В результате наслоения на *жунский* субстрат *дисцев* тогда же сформировалась новая этнолингвокультурная общность *ху* (*дунху*, *линьху*, *цзиху*, *шаньху*, *заху*, *чжуху*, *зачжонху* и проч.), из которой в третьей четверти I тысячелетия до н.э. выделились *ухуани*, *сяньби*, *мужуны*, *тоба*, *туюйхуни*, *жоужани*, *кидани* и т.д., а также более известные *сюнну* и их потомки – *булоцзи* (=булгары).

5. Археологическая версия этнокультурной истории Внутренней Азии

в прототюркскую эпоху

На севере Китая с незапамятных времен, еще в легендарную эпоху Шан-Инь (XVII–XI вв. до н.э.) развивался самобытный комплекс культур, принципиально отличающийся от синхронных культур Великой Китайской равнины. Культуры «северного края» (кит. бэйфан), несмотря на явное типологическое сходство, не были однородными – каждая этносоциальная общность имела самобытную культурную традицию.

Современное состояние проблемы прототюркского хронотопа, в частности, рассмотрения пространственно-временных параметров расселения прототюркского родо-племенного сообщества в Евразийском степном поясе, определяется прежде всего новыми значительными достижениями в археологическом изучении степей Центральной (Внутренней) Азии и сопряженным изучением археологических памятников эпохи бронзы и раннего железного века с данными древних китайских письменных источников о таких народах «северного края», как *цяны, жуны, ди, ху* и т.д.

Проведенные за последние три–четыре десятилетия археологические исследования во Внутренней Азии, в частности, в южном секторе Циркумгобийского региона, показали присутствие у северных границ древнекитайских царств крупных популяций бронзового века с пасторальной культурой уже в эпоху Шан-Инь (около начала XVII – около XI вв. до н.э. / около 1600 – около 1050 гг. до н.э.). Обращаю внимание на необходимость разграничения пастушеской скотоводческой культуры от культуры номадов, т.е. кочевников в классическом смысле этого термина. Свидетельством глубокого проникновения скифо-сакских племен на восток являются археологические памятники ордосской культурно-исторической общности, типологически и стилистически близкие к синхронным древностям скифо-сибирского мира, в частности, к бронзовым артефактам карасукской культуры Южной Сибири.

Археологам хорошо известно, что истоки металлопластики «скифо-сибирского» звериного стиля находятся в Южной Сибири и сопредельных территориях Великой евразийской степи. Культура ордосских бронз, с одной стороны, указывает на южносибирские (карасукские) истоки северокайского варианта звериного стиля, а с другой – на достаточно длительный симбиоз местных прототюркских популяций с мигрировавшими из Южной Сибири и Восточного Туркестана индоиранскими популяциями, принесшими в Северный Китай пасторальную культуру с характерной для нее металлопластикой звериного стиля (Шульга 2015).

Археологические комплексы ордосской культурно-исторической общности позднескифского времени (Алучайдэн, Налиньгаоту, Няньфаньцуй, Сигоупань, Шихуйгоу и др.) демонстрируют мощные культурные импульсы из Южной Сибири, Саяно-Алтайского центра пасторальной культуры, на материальную культуру и идеологию скотоводческого населения Северного Китая, известного по китайским источникам под собирательным названием *ху*.

Именно среди «скифоидных» памятников ордосской культурно-исторической общности выделены в последнее время многочисленные погребальные комплексы VII–III вв. до н.э. [Сяцзядянь (верхний слой) (IX–VII вв. до н.э.), Юйхуанмяо (VII–VI вв. до н.э.), Маоцингоу (конец VI–III вв. до н.э.), Таохунбала (VI–III вв. до н.э.)], несущие признаки культуры плиточных могил и характерные для более поздних сюннских некрополей особенности в погребальном обряде и сопроводительном вещевом комплексе (об этом подробнее в работах П.И. Шульги, С.С. Миняева, а также современных китайских археологов, библиографию см.: Миняев 2007; Шульга 2015).

Восточную провинцию центральноазиатских степей, обозначенную нами термином Циркумгобийский регион, или Внутренняя Азия, накануне выхода на историческую арену *сюнну* занимали три основные культурно-исторические общности: первая из них – с характерными памятниками культуры плиточных могил – занимает восточную часть Монголии и Забайкалья; вторая представлена археологическими комплексами ранних кочевников скифского времени на западе Монголии и части Саяно-Алтайского нагорья (скифские культуры Тувы, родственные западномонгольским памятникам «культуры херексуров и плиточных могил») и, наконец, комплекс ордосских памятников ранних кочевников скифского времени, объединенных С.С. Миняевым в «ордосскую культурную провинцию скифского мира» (Миняев 1985: 75–76; Миняев 1991: 108–120; Миняев 2007: 70–83).

С.С. Миняев полагает, что совокупность признаков, характерных для погребений ранних кочевников скифского времени этих регионов «не позволяет рассматривать их как основу для развития сюннских комплексов; последние появились вместе с пришлым населением, принесшим с собой целый ряд новаций» (Миняев 1985: 76).

Южная провинция Внутренней Азии, отмеченная памятниками относящихся к ордосской культурно-исторической общности археологических комплексов Сяцзядянь (верхний слой) (IX–VII вв. до н.э.), Юйхуанмяо (VII–VI вв. до н.э.), Маоцингоу (конец VI–III вв. до н.э.), Таохунбала (VI–III вв. до н.э.) и др., является территорией, на которой в результате длительного симбиоза прототюркских (*ди* китайских хроник) и дисперсно расселившихся среди них индоиранских (*жуны* китайских источников) племен сложилась огурская этнолингвокультурная общность (*ху* китайских династийных хроник).

Согласно сложившейся в Китае традиции, все археологические культуры «северного края» обычно аффилируются с тем или иным классификационным «этнонимическим» термином, зафиксированным в письменных источниках. В настоящее время многие китайские и отечественные исследователи аффилируют археологическую культуру «верхнего слоя Сяцзядянь» с племенами группы *дунху*, располагающуюся к западу от нее культуру ордосских бронз – с *сюнну* (Dashibalov 2009: 265–268), а находившуюся между ними культуру *юйхуанмяо* обычно связывают с *шаньжунами* – «горными воинами».

Накладывая сведения китайских письменных источников на археологическую карту Внутренней Азии, логично заключить, что носителями культуры плиточных могил были прототюркские племена *ди*, а памятники ордосской культурно-исторической общности были оставлены *жунди*, позднее получившие от китайских хронистов название *ху* (*дунху*, *линху* и проч.).

Территория формирования прототюркской этнолингвокультурной общности скотоводческих популяций явно выраженного монголоидного антропологического облика континентального типа в I тысячелетии до н.э. охватывал весь Циркумгобийский регион, включая северную и южную провинции Внутренней Азии. Именно эта обширная область, помеченная сетью памятников культуры плиточных могил, и является наиболее вероятной исходной прародиной тюркских народов.

Литература

- Дробышев, Ю.И. (2014). *Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии* (III в. до н.э. – XVI в. н.э.) М.: ИВ РАН.
- Егоров, Н.И. (2017). *Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа*. Чебоксары: Новое время, 2017. Кн. 1. 428 с.; Кн. 2. 440 с.
- Кляшторный, С.Г., Савинов Д.Г. (2005) *Степные империи древней Евразии*. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 346 с.
- Миняев, С.С. (2007). *Дырестуйский могильник*. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 233 с.
- Миняев, С.С. (1991). “Зона скифского мира на северо-востоке КНР: находки и проблемы”. *Общество и государство в Китае*. М., Вып. XXII. С. 171–175.
- Миняев, С.С. (1985). “К проблеме происхождения сюнну”. *Информационный бюллетень международной ассоциации по изучению культуры Центральной Азии*. М., Вып. 9. С. 70–78.
- Миняев, С.С. (1991). “О дате появления сюнну в Ордосе”. *Проблемы хронологии и истории*. Барнаул, С. 108–120.
- Миняев, С.С. (1991). “Раскопки Дырестуйского могильника и основные проблемы археологии сюнну”. *Древние культуры и археологические изыскания*. СПб.: ИИМК АН СССР, С. 72–75.
- Санпин, Чен. (2004). “Някои бележки за китайските българи”. *Авитохол*. – София, Бр. 26. С. 43–47.
- Тенишев, Э.Р. (2006). “Введение”. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык. Картина мира тюркского этноса по данным языка*. М.: Наука, С. 5–9.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика*. М.: Наука, 1984. 484 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология*. М.: Наука, 1988. 560 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис* / Н.З. Гаджиева, Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1986. 284 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика*. М.: Наука, 1997. 800 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика*. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции*. М.: Наука, 2002. 767 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка*. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Цыбиктаров, А.Д. (1998). *Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья*. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 289 с.
- Шульга, П.И. (2015). *Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI вв. до н.э.)*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 304 с.
- Woodberd P.A. (1936). “The Language of the T’o-Pa Wei”. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge (Mass.), Vol. 1. № 2. P. 167–185.

Chen, Sanping (1998). “Some remarks on the Chinese «Bulgar»”. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, Vol. 51. № 1–2. – P. 69–83.

Chen, Sanping (2012). *Multicultural China in the Early Middle Ages*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. – 292 p.

Clauson, G. (1960). “Turk, Mongol, Tungus”. *Asia Major*. N.S. London, Vol. VIII. Part 1. P. 105–123.

Dashibabov B.B. (2009). “The Hiongnu archaeology: questioning, the connections between, the traditions of the early Mongols and ancient Koreans”. *The VI Conference on Korean Studies Association of Australasia*. Sidney. P. 265–268.

Eberhard, W. (1942). “Çin Kaynaklarına Göre Orta ve Garbi Asya Halklarının Medeniyeti (Çeviren M. Mansuroğlu)”. *Türkiyat Mecmuası*. Ankara: C. VII–VIII, sayı: 1: 125–191 s.

Pritsak, O. (1976). “From the Sábirs to the Hungarians”. *Hungaro-Turcica: Studies in honor of Julius Németh*. Budapest: Joránd Eötvös University. P. 17–30.

Pulleyblank, E.G. (1991). *Lexicon of Reconstructed Pronunciation: In Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver: UBS Press. 497 p.

Pulleyblank, E.G. (2000). “Tribal confederations of uncertain identity: The Hsileng-nu”. *Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta*. Berlin Vol. 3. P. 62–65.

Yegorov, N.İ. (2014). “Orta-Asya Tarihinde Ogur «Protobulgar»ın Dil Kültürü ve Devamlılığı”. *Dünya Uygarlığı İçinde Türk Uygarlığı: Tarih ve Dil Meseleleri Kurultayı: 26–29 Haziran, 2014, Eskişehir, 2014, II cilt: Dil / Edebiyat Meseleleri Tebliğleri*. S. 124–171.

Фото: И.И. Иванова-Орлова